

Соколенко Артём Васильевич

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕДОМСТВ И ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОХРАНЕ,  
ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ПОБЕГОВ И ПОИСКЕ СБЕЖАВШИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ДАЛЬНЕМ  
ВОСТОКЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (АВГУСТ 1914 Г. - РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г.)**

В статье рассматриваются мероприятия, которые осуществлялись российскими ведомствами и органами в годы Первой мировой войны (август 1914 г. - революция 1917 г.) на Дальнем Востоке и были направлены на обеспечение охраны военнопленных, пресечение побегов, поиск и задержание бежавших военнопленных. Бежавших с российской территории военнопленных вражеская разведка планировала использовать в разведывательно-диверсионно-подрывной деятельности против России, поэтому организация охраны, предотвращение побегов или поиск сбежавших военнопленных были очень важны для обеспечения безопасности государства. Одним из условий успешного выполнения данных задач являлись согласованные действия российских органов и учреждений в указанных направлениях деятельности.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/1/2016/7/24.html](http://www.gramota.net/materials/1/2016/7/24.html)

**Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.**

Источник

**Альманах современной науки и образования**

Тамбов: Грамота, 2016. № 7 (109). С. 95-100. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/1.html](http://www.gramota.net/editions/1.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/1/2016/7/](http://www.gramota.net/materials/1/2016/7/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [almanac@gramota.net](mailto:almanac@gramota.net)

3. **Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В.** Референция как технология управления общественными отношениями // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность в современных условиях: теория и практика: сб. науч. трудов. Уфа: Аэтерна, 2015. С. 263-266.
4. **Левина К. Е.** Общетеоретические вопросы брендинга компаний в условиях глобализации экономики // Национальные традиции в развитии торговли, экономики и культуры: сб. материалов Межвузовской студенческой научно-практической конференции. Уфа: УИ РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. С. 158-160.
5. **Майский Р. А., Губина О. В.** Информационно-аналитическое обеспечение управления предприятием на основе компьютерных технологий // Актуальные проблемы науки и техники: сб. тр. Науч.-практ. конф.: в 2-х т. Уфа: УГНТУ, 2012. Т. 2. С. 199-203.
6. **Рувенный И. Я.** HR-брендинг как направление клиентоориентированного подхода к управлению компанией // Управление экономикой: методы, модели, технологии: сб. науч. трудов. Уфа: УГАТУ, 2014. С. 193-196.
7. **Рувенный И. Я., Аввакумов А. А.** Управление лояльностью потребителей: учебное пособие. Уфа: УГАТУ, 2015. 194 с.
8. **Шафранская И. Н., Катаев Е. П.** Об одном подходе к оценке бренда работодателя // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2015. № 3 (117). С. 228-237.

#### DEVELOPMENT OF THE EMPLOYER'S BRAND AS AN ELEMENT OF THE ORGANIZATION'S STRATEGIC POTENTIAL

**Ruvennyi Igor' Yaroslavovich**, Ph. D. in Economics, Associate Professor

**Kasimova Elina Radikovna**, Ph. D. in Sociology

**Levina Kristina Egorovna**

*Ufa State Aviation Technical University*

*ruvennyi@mail.ru; elinus@mail.ru; levina\_kristina@rambler.ru*

The article actualizes the role of the employer's brand (HR-brand) as an important element of the organization's strategic potential. The paper notes HR-branding interconnection with reference marketing. The authors present types of loyalty formation in relation to the employer's brand. A system of parameters for the evaluation of the employer's brand is proposed. The relation of corporate ideology and the employer's brand is shown.

*Key words and phrases:* brand; employer's brand; reference marketing; HR-branding; human capital; employee value proposition (EVP).

УДК 341.34:355.483(571.6)<<1914-1917>>

#### Исторические науки и археология

*В статье рассматриваются мероприятия, которые осуществлялись российскими ведомствами и органами в годы Первой мировой войны (август 1914 г. – революция 1917 г.) на Дальнем Востоке и были направлены на обеспечение охраны военнопленных, пресечение побегов, поиск и задержание бежавших военнопленных. Бежавших с российской территории военнопленных вражеская разведка планировала использовать в разведывательно-диверсионно-подрывной деятельности против России, поэтому организация охраны, предотвращение побегов или поиск сбежавших военнопленных были очень важны для обеспечения безопасности государства. Одним из условий успешного выполнения данных задач являлись согласованные действия российских органов и учреждений в указанных направлениях деятельности.*

*Ключевые слова и фразы:* Дальний Восток; Сибирь; Приамурское генерал-губернаторство; Китай; военнопленные; иностранная разведка; российские власти и органы безопасности.

**Соколенко Артём Васильевич**

*Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск  
forum5022@mail.ru*

#### ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕДОМСТВ И ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОХРАНЕ, ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ПОБЕГОВ И ПОИСКЕ СБЕЖАВШИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (АВГУСТ 1914 Г. – РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г.)

В период Первой мировой войны Дальний Восток России стал одним из регионов Российской империи, где размещались военнопленные вражеских армий. В настоящее время уже имеется немало работ, посвящённых проблематике пребывания в годы указанной войны в Приамурском генерал-губернаторстве военнопленных. Однако малоосвещёнными остаются механизмы взаимодействия российских властей в обеспечении охраны, поиске и задержании бежавших военнопленных, а также пресечении их побегов из мест содержания (лагеря для военнопленных) в Приамурском генерал-губернаторстве с начала Первой мировой войны и до революционных событий февраля 1917 г. Целью данной статьи является устранение этих пробелов в Отечественной истории.

С началом Первой мировой войны усилилась активность германской разведки в Китае. Используя нейтралитет Китая в войне, Германия развернула здесь широкомасштабную антироссийскую деятельность.

Согласно специально разработанному плану, разведывательная деятельность германских спецслужб в Восточной Азии включала в себя сбор сведений об экономическом положении и состоянии русских вооруженных сил; создание условий для обострения отношений России с Китаем с целью удержания русских войск в местах дислокации на Дальнем Востоке и недопущения их переброски на фронт; срыв поставок на фронт, для чего планировалось осуществление диверсий на российских железных дорогах; содействие побегам военнопленных из мест их содержания на российской территории за границу (*в соответствии с распоряжением Главного Управления Генерального Штаба в 1914 г. военнопленных немцев, австрийцев, а также венгров, как менее надежных по сравнению с пленными славянами и румынами, размещали, главным образом, за Уралом – в Сибири, Туркестане и на Дальнем Востоке* [9]), в т.ч. с помощью шаек хунхузов; осуществление враждебной пропаганды (слухи, дезинформация, распространение литературы революционного толка и т.п.) и мн. др. [1, с. 213-214; 17, с. 50-51].

Важно отметить, что российской разведке, контрразведке и другим органам безопасности и дипломатии в Китае удалось получить ценные сведения о центрах германской разведки на территории этого государства, о её организации, методах разведывательно-подрывной деятельности против России и предупредить об этом сибирские и дальневосточные гражданские власти, а также штабы Иркутского и Приамурского военного округов. Это дало возможность и тем и другим сориентироваться в сложившейся обстановке, поставить в известность об этом уже все местные власти и принимать превентивные меры против деятельности вражеской разведки. В целом взаимобмен сведениями о той или иной деятельности вражеской разведки против России между представителями российской власти в Китае, да и в других странах, таких, например, как Сингапур и США, с властями в Сибири и на Дальнем Востоке России был хорошо налажен. Одновременно с этим сибирские и дальневосточные гражданские, судебные, военные власти и руководство органов безопасности также поддерживали между собой регулярную связь, обмениваясь полученными сведениями о деятельности неприятельской разведки [17, с. 51-55; 21, с. 72-73; 22, с. 44-46; 29, с. 79].

В период Первой мировой войны борьбу с вражеской разведкой на территории Северной Маньчжурии вели российская разведка, Заамурский округ Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС), резидентура контрразведки штаба Иркутского военного округа, Железнодорожное полицейское управление КВЖД (Жел. ПУ КВЖД) (данное полицейское управление с мая 1904 г. (*здесь и далее все даты даны по старому стилю – А. С.*) функционировало как Временное жандармское полицейское управление КВЖД, а осенью 1908 г. было реформировано в Жел. ПУ КВЖД; офицерский состав Жел. ПУ КВЖД комплектовался из состава Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ), которые продолжали числиться по спискам ОКЖ и сохраняли право перевода в ОКЖ [5, д. 2016, л. 80 – 80 об., 83, 113 – 113 об., 117; 7, д. 24, т. 8 (1907 год), л. 37 – 37 об.; 15, с. 551-552; 28, с. 151-152]), общая и сыскная полиция, официальные представительства МИД России и др. ведомств (более подробно об этом см.: [1, с. 214; 3, с. 114; 4, с. 118; 10, с. 288-290, 296-301; 11, с. 99-101; 16, с. 103-104; 18, с. 122-133; 20; 26, с. 54-58]).

Недопущение побегов военнопленных для российских органов власти на Дальнем Востоке и в Сибири являлось важнейшей задачей, но всё же побег совершались, и поэтому необходимо было организовывать мероприятия по поиску, задержанию и возвращению обратно сбежавших военнопленных. Военнопленные, бежав из мест содержания в Сибирском, Иркутском и Приамурском военных округах, стремились попасть в Китай. Некоторые военнопленные, воспользовавшись тем, что их перевозка и доставка к местам содержания в Приамурском генерал-губернаторстве и Сибири осуществлялись по Китайско-восточной железной дороге (КВЖД), т.е. через территорию Северной Маньчжурии, сбегали ещё по пути следования. Сбежавшие военнопленные знали, что разведки стран-союзниц по военному блоку, противостоящему России в войне, окажут им содействие на территории Китая, или же, в случае, если они будут пойманы местными властями данного государства, то их не выдадут российским властям. На запросы российской стороны о выдаче бежавших и задержанных на территории Китая военнопленных власти этого государства отвечали, что они – страна нейтральная и не участвующая в войне, а потому выдавать бежавших пленных не будут. При этом китайские власти действовали в рамках международного законодательства. В соответствии с Гаагской конвенцией о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., бежавших военнопленных с территории России в Китай и задержанных местными властями на территории данного государства китайская сторона должна была подвергнуть интернированию (*интернирование – в международном праве принудительное задержание одним воюющим государством граждан (не военнослужащих) другого воюющего государства или нейтральным государством – военнослужащих воюющих сторон* [27]). Однако интернирование не обязывало китайских властей выдавать сбежавших из России и задержанных на территории их государства военнопленных российским властям. Также нельзя было применять к военнопленным враждующих сторон положения русско-китайских договоров о выдаче преступников. В связи с указанными условиями, даже если российским властям было точно известно, что сбежавшие военнопленные находятся в Китае или они уже задержаны местной китайской администрацией, возможности получить беглецов обратно не было. С такими проблемами российские власти в Северной Маньчжурии, Сибири и на Дальнем Востоке сталкивались при организации поиска, задержания сбежавших военнопленных, добравшихся до Китая, и возвращения их обратно на российскую территорию в места содержания [13, с. 94-95; 14, с. 70-74; 25, д. 853, л. 1-5, 19 – 21 об.].

Несмотря на то, что достаточно часто информация о подготовке и руководстве немецкой разведкой в Китае банд хунхузов для нападения на КВЖД и приграничные города Приамурского генерал-губернаторства с целью организации побегов военнопленных не подтверждалась, российские власти на Дальнем Востоке вели постоянную работу для предупреждения такого рода акций [6, д. 907, л. 30-37, 43-44; 25, д. 853, л. 196 – 197 об., 200-201, д. 864, л. 165 – 165 об.]. На предотвращение побегов военнопленных в т.ч. были направлены

совместные усилия казачества, пограничных комиссаров, таможенных органов, а также заведующих розыскными пунктами по усиленной разведывательно-охранной службе и агентурной работе на границе [23, д. 61, л. 1, 3 – 3 об., 15, 22 – 22 об., 33, 46; 25, д. 864, л. 4-9, 11, 14; 30, с. 155-156]. В случае обнаружения побега военнопленных военные командиры, ответственные за содержание и охрану военнопленных, телефонограммами и телеграммами сообщали об этом в штаб Приамурского военного округа и местным органам власти для принятия мер по поиску и задержанию беглецов. В задержании сбежавших военнопленных принимали участие уездные, волостные и станичные власти, таможенные органы, корчемная стража, общая и политическая полиция и мн. др. [25, д. 853, л. 1-5, 19 – 21 об., 74-76, 92-93, 97, 219-221, 234 – 234 об., 238].

Также российскими сибирскими и дальневосточными властями и в Северной Маньчжурии велась работа по выявлению и задержанию лиц, способствующих побегам военнопленных. Так, в результате одной из проведенных операций на ст. Маньчжурия и в Харбине 7 и 13 августа 1915 г. были задержаны двое подданных Российской империи – Г. Б. Любимов и И. К. Тагамлинский, подозревавшиеся в организации и содействии побегам военнопленных. Также в Северной Маньчжурии были арестованы и другие лица, входившие в группу, способствовавшую побегам военнопленных. По итогам судебного разбирательства, в частности Любимов и Тагамлинский были приговорены за государственную измену: первый – к каторжным работам на пять лет, а второй – к ссылке на поселение без срока. Приговор со стороны прокурорского надзора опротестованию не подлежал. Для нас важно подчеркнуть, что участие в этой операции принимали чины Жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги (ЖПУ УЖД), Жел. ПУ КВЖД, Владивостокского охранного отделения, а также были задействованы силы и средства штаба Приамурского военного округа, военного губернатора Приморской области, Приамурского генерал-губернатора и императорского посланника в Пекине [5, д. 18, л. 1-3; 22, с. 44-45; 25, д. 864, л. 94-116, 134].

Главный начальник Приамурского края Н. Л. Гондатти лично держал на контроле организацию мероприятий по предотвращению побегов военнопленных. Постепенно становилось понятно, что война затягивается, а это означало, что деятельность неприятеля по организации побегов военнопленных будет только усиливаться. Это предположение подтверждалось, в частности, сведениями, полученными 18 января 1916 г. Гондатти от товарища министра внутренних дел С. П. Белецкого. Белецкий сообщил о том, что в Китае немцы при содействии шаек хунхузов и бежавших из Приморской области военнопленных готовят массовое нападение на КВЖД. При этом начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал-адъютант М. В. Алексеев на основании сообщения Белецкого отдал указание о необходимости принять соответствующие меры, а всех виновных предавать военно-полевому суду. Чуть позже, 2 марта 1916 г., канцелярией Приамурского генерал-губернатора от Императорской миссии в Пекине были получены установочные данные на китайцев, которых немцы должны были отправить в Маньчжурию (КВЖД), Харбин, Иркутск и Благовещенск для содействия побегам военнопленных. В связи с этим российские власти, в т. ч. на Дальнем Востоке, постоянно вели превентивную работу для предотвращения побегов военнопленных. По этому поводу Гондатти 16 апреля 1916 г. писал председателю Совета министров Б. В. Штюрмеру, что особенно тесно по предмету наблюдения за действиями немецких враждебных для России организаций внутри Китая, целью которых была в т.ч. организация побегов военнопленных, он взаимодействовал с Императорским Посланником в Пекине, который ставил его «в известность о всех заслуживающих внимания проявлениях этих организаций» [25, д. 853, л. 197 – 197 об., 200 об. – 201, 368-373].

Ввиду частых жалоб со стороны военных о том, что гражданские власти не принимают достаточных мер к задержанию сбежавших военнопленных, 7 октября 1915 г. исполняющий обязанности Управляющего Министерством внутренних дел (МВД) Н. В. Плеве направил срочную депешу местным органам власти и органам безопасности. От местных властей и руководства органов безопасности Плеве потребовал сделать необходимые «распоряжения всем чинам полиции и жандармского надзора об оказании полного содействия военным властям по охране эшелонов в пути следования, а равно сельским и волостным властям принимать самые решительные меры к недопущению побегов и задержанию беглецов для предоставления их местному воинскому начальнику» [6, д. 923, л. 83].

Начальник Иркутского губернского жандармского управления (ГЖУ) предписал довести вышеуказанные требования Плеве до всех своих помощников, начальников охранных отделений и розыскных пунктов, входящих в ведение Управления (органы политического сыска Приамурского генерал-губернаторства и в Северной Маньчжурии по вопросам организации оперативной работы и в строевом отношении с 15 декабря 1907 г. находились в ведении Сибирского районного охранного отделения (РОО), которое проходило в документах под названием «Иркутское районное охранное отделение», а с 18 января 1912 г. после разделения Сибирского РОО на Западно-Сибирское РОО и Восточно-Сибирское РОО обязанности начальника Восточно-Сибирского РОО были возложены на начальника Иркутского ГЖУ. Восточно-Сибирское РОО действовало до марта 1917 г., при этом в официальной переписке проходило под названием «Иркутское губернское жандармское управление (по району)» [19; 31, с. 110-114], «для сведения и точного исполнения» [6, д. 923, л. 83 об.].

Однако решение проблемы охраны военнопленных требовало комплексного подхода. Для эффективного надзора за военнопленными необходимо было выработать конкретные мероприятия, направленные на упреждение побегов и подготовки к ним, которые бы осуществлялись совместными усилиями гражданских и военных властей, а также органами безопасности. В этой связи для объединения усилий военных и гражданских властей, а также органов безопасности военный министр генерал от инфантерии А. А. Поливанов обратился за содействием в МВД, которое пошло ему навстречу. 15 января 1916 г. Департамент полиции (ДП) выпустил соответствующее циркулярное распоряжение за номером 23350, в котором указал военным губернаторам

и начальникам жандармских полицейских управлений установить по соглашению с военными властями строжайшее наблюдение за военнопленными. Кроме того, фактически дублируя циркуляр № 23350, ДП обратился к Приамурскому генерал-губернатору с просьбой установить контроль за выполнением данного циркулярного распоряжения. Главный начальник Приамурского края Н. Л. Гондатти 11 февраля 1916 г. направил местным губернаторам сведения о сути полученного циркуляра ДП № 23350 и потребовал установить по соглашению с начальниками воинских частей надлежащее наблюдение за военнопленными в соответствии с требованиями указанного циркуляра.

В штабе Приамурского военного округа также взяли на контроль исполнение указанного циркулярного распоряжения гражданскими властями. 8 марта 1916 г. начальник штаба Приамурского военного округа направил в канцелярию Приамурского генерал-губернатора запрос о том, какие меры будут приняты гражданскими властями для предотвращения побегов военнопленных, чтобы оповестить об этом начальствующих лиц, в непосредственном ведении которых состояли военнопленные. На 8 марта 1916 г. в Приамурском генерал-губернаторстве военнопленные содержались в городах Хабаровске, Благовещенске, Никольске-Уссурийском, Николаевске-на-Амуре, в поселке Раздольном, в селах Шкотово, Спасском и на Николо-Александровской пристани Хабаровского уезда. 24 марта 1916 г. военный губернатор Приморской области доложил Приамурскому генерал-губернатору, что направил копии требования генерал-губернатора об установлении по соглашению с начальниками воинских частей надлежащего наблюдения за военнопленными полицеймейстерам и начальникам уездов для их неуклонного исполнения, а также начальнику ЖПУ УЖД – для соответствующих распоряжений по этому поводу. Губернатор Сахалинской области 5 апреля 1916 г. в своем докладе написал, что, по сообщению коменданта крепости Николаевск-на-Амуре, 100 человек военнопленных в Николаевске и 100 человек на мысе Чныррах «охраняются надлежаще», а содействие полиции необходимо, когда военнопленных водят на работы, чтобы никто из посторонних не мог с ними общаться. Чтобы эта просьба была выполнена, губернатор Сахалинской области отдал соответствующее распоряжение начальникам полиции Николаевского района. Губернатор также отметил, что направил запрос по порядку надзора за военнопленными начальнику Николаевской крепостной жандармской команды, а он, в свою очередь, сообщил губернатору, что им также предприняты надлежащие меры по надзору за военнопленными, находящимися как на мысе Чныррах, так и г. Николаевске-на-Амуре. Военный губернатор Амурской области ответил последним 29 апреля 1916 г. Он сообщил, что указал чинам полиции установить строжайшее наблюдение за военнопленными, а также, по соглашению с начальником штаба 51-й бригады государственного ополчения, поручил Благовещенскому полицеймейстеру чаще производить обыски (по мере надобности – 2 раза в месяц) с участием войск в районах, прилегающих к лагерю военнопленных, а также в других подозрительных местах города. Обо всех вышеуказанных мероприятиях гражданских властей, направленных на предотвращение побегов военнопленных, 12 и 16 мая 1916 г. было сообщено начальнику штаба Приамурского военного округа. Возражений со стороны начальника штаба Приамурского военного округа по принятым мерам не последовало [25, д. 853, л. 222 – 225 об., 229, 232 – 234 об., 236].

В мероприятиях по предотвращению побегов военнопленных принимали участие также чины Хабаровского контрразведывательного отделения (КРО) и розыскных пунктов. При этом начальник Хабаровского КРО подполковник А. А. Немыцкий поддерживал постоянную связь с заведующими розыскных пунктов по вопросам пресечения побегов и поиска военнопленных. Однако роль чинов КРО и розыскных пунктов здесь была несколько иная, чем просто поиск сбежавших пленных. Их основные усилия были направлены на выявление лиц, способствующих побегам военнопленных, обнаружение среди военнопленных профессиональных разведчиков, установление негласного наблюдения за членами различных международных гуманитарных миссий, в частности таких как Красный Крест, посещавших лагеря военнопленных и осуществлявших в т.ч. разведывательно-шпионскую деятельность в интересах германского и австрийского правительств, и т.п. [8, д. 1а, л. 265; 24, д. 50, л. 12-41, 43 – 44 об., 63 – 63 об.; 25, д. 853, л. 387 – 387 об.] (см. также: [12, с. 109-110, 118]). Так, 6 ноября 1914 г. Немыцкий направил заведующему Никольск-Уссурийским розыскным пунктом «Инструкцию о внутреннем порядке в командах военнопленных», подписанную начальником штаба Приамурского военного округа генерал-майором А. С. Санниковым [8, д. 1а, л. 201-203]. Немыцкий при этом подчеркнул, что, «если будут данные о её неисполнении, немедленно докладывать для оповещения начальника штаба Приамурского военного округа» [Там же, л. 201].

Несмотря на огромную работу, которую вели органы военного ведомства, дальневосточные местные власти и органы безопасности по предотвращению побегов военнопленных, пресечь их полностью не удавалось, поскольку, во-первых, не хватало людских, материально-технических и инженерных ресурсов для полноценной охраны военнопленных. Во-вторых, как уже отмечалось, определенные проблемы создавали китайские власти, если принять во внимание, что в годы войны Китай занял нейтральную позицию и власти этого государства не выдавали задержанных на территории их государства сбежавших с российской территории военнопленных. Тем не менее, есть все основания утверждать, что с задачей по предотвращению побегов военнопленных гражданские власти, органы военного ведомства и безопасности Приамурского края в целом справлялись. Так, по подсчетам Е. Ю. Бондаренко, уже в начале апреля 1915 г. в лагерях Дальнего Востока России находились 30595 военнопленных вражеских армий [2, с. 90]. Вместе с тем, выборочные сведения о побегах военнопленных, которые содержались в частности в Приморской области в 1915-1916 гг., представленные в монографии Т. Я. Иконниковой, показывают, что из бежавших 43 офицеров и 27 нижних чинов 50 были задержаны [12, с. 95-96]. Как видно, количество сбежавших военнопленных по отношению к общему числу

находившихся в крае военнопленных было ничтожно, что и отмечалось в письме Н. Л. Гондатти председателю Совета министров Российской империи и МВД Б. В. Штюрмеру от 16 апреля 1916 г. [25, д. 853, л. 200].

Несмотря на то, что занятие нейтральной позиции Китаем с началом Первой мировой войны, как уже отмечалось, подразумевало принятие мер по интернированию бежавших военнопленных, однако более действенные меры в этом отношении властями Китая стали приниматься лишь с весны 1917 г. И только вступление Китайской республики 14 августа 1917 г. в войну на стороне Антанты уже окончательно обязывало властей данной страны вести полноценную работу по организации содержания задержанных на своей территории сбежавших военнопленных подданных тех стран, которые входили в военный блок, противостоявший в войне Антанте. Одновременно с решением Китая вступить в войну на стороне Антанты для военнопленных вражеских армий, содержавшихся в Сибири и на Дальнем Востоке России, побег с российской территории в Китай стали делом бессмысленным, т.к. с этого времени переправиться на родину с территории данной страны уже практически не было возможности [12, с. 103-106; 14, с. 75; 18, с. 133-137]. Однако это уже было время, когда в России была свергнута монархия и начала действовать другая система государственного управления со всеми сопутствовавшими этому действиями и решениями новой российской власти, в т.ч. в вопросах обеспечения охраны и предотвращения побегов военнопленных.

Таким образом, в годы Первой мировой войны на Дальнем Востоке разведка неприятеля активно развила деятельность, избрав для этого соседний Китай, который до определённого времени занимал нейтралитет в войне. Особенно сильны были позиции немецкой разведки в Китае, но и разведки Австро-Венгрии, Турции и др. стран, противостоявших в этой войне России, также расширяли свой спектр деятельности в соседней с российскими рубежами стране. В этот период времени усилия вражеской разведки были направлены в т.ч. на организацию побегов военнопленных, содержавшихся в Сибири и на Дальнем Востоке России. Сбежавших военнопленных планировалось использовать для организации и ведения разведывательно-диверсионно-подрывной работы против России в Северной Маньчжурии, в сибирском и дальневосточном регионе. Перед российскими властями на Дальнем Востоке России и в Сибири стояла задача предпринимать необходимые меры, направленные на надлежащую охрану военнопленных и пресечение побегов, а перед российскими властями в Северной Маньчжурии – оказания содействия в поиске и задержании сбежавших с российской территории в Китай военнопленных. Кроме этого, для российских властей на Дальнем Востоке России, в Сибири и Северной Маньчжурии важнейшей задачей являлись выявление и задержание лиц, способствовавших организации побегов военнопленных. В решении указанных задач были задействованы силы и средства военного ведомства, в т.ч. разведка и контрразведка, органов МИД и безопасности МВД, Заамурского округа ОКПС, органов местного управления, пограничных комиссаров, казачества, таможенных органов и корчемной стражи. Взаимодействие дальневосточной военной контрразведки, органов политической и общей полиции в оперативном обеспечении контроля за военнопленными; военных и органов полиции в совместной службе по охране военнопленных; пограничных комиссаров, казачества, таможенной и корчемных страж по усиленной охранно-разведывательной службе на границе и организация агентурной работы в приграничной полосе заведующими розыскными пунктами в целом позволяли решать задачи по охране и предотвращению побегов военнопленных, поиску и задержанию бежавших военнопленных, несмотря на то, что эта деятельность осложнялась нехваткой людских, материально-технических и инженерных ресурсов, а также занятой позицией китайских властей по отношению к задержанным на своей территории сбежавшим из Сибири и с Дальнего Востока России военнопленным, которая заключалась в невыдаче их российской стороне.

Рассмотренный порядок взаимодействия органов и учреждений ведомств Российской империи в охране, поиске, задержании и пресечении побегов военнопленных на Дальнем Востоке просуществовал до марта 1917 г. В этом месяце по решению Временного правительства были упразднены Корпус жандармов, Департамент полиции и началась реорганизация существовавшей системы полицейских органов, которые, как показывает вышеизложенный материал, также были задействованы в мероприятиях по предотвращению побегов, охране, поиску и задержанию сбежавших военнопленных. С этого времени в России начался новый период в решении задач по обеспечению внешней и государственной безопасности страны, в т.ч. по вопросам реализации российскими ведомствами и органами мероприятий по охране, поиску, задержанию и предотвращению побегов военнопленных, содержавшихся на тот момент в России, и в частности на Дальнем Востоке.

#### *Список литературы*

1. **Баринов А. О.** Стража: очерки истории деятельности спецслужб России в Забайкалье в начале XX века (1901-1917). Чита: Экспресс-издательство, 2008. 252 с.
2. **Бондаренко Е. Ю.** Управление иностранными военнопленными на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 1 (70). С. 84-91.
3. **Буяков А. М.** Контрразведка в полосе отчуждения КВЖД в начале XX в. // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения, 1998). Владивосток: Дальнаука, 2001. С. 111-114.
4. **Буяков А. М.** Становление и развитие русской контрразведки на Дальнем Востоке в начале XX в. // Известия РГИА ДВ. Владивосток, 1998. Т. III. С. 108-127.
5. **Государственный архив Иркутской области (ГАИО).** Ф. 245. Оп. 1.
6. **ГАИО.** Ф. 600. Оп. 1.
7. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. 102. Оп. 316. Особый отдел. 1898-1917.
8. **Государственный архив Хабаровского края (ГАХК).** Ф. И-16. Оп. 6.

9. Греков Н. В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914-1917) [Электронный ресурс]. URL: <http://ah.milua.org/germany-and-austro-hungarian-pows-in-siberia-1914-1917> (дата обращения: 29.06.2016).
10. Греков Н. В. Русская контрразведка в 1905-1917 гг.: шпионomanия и реальные проблемы. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. 356 с.
11. Греков Н. «Шпиона по роже выдать» // Родина. 2014. № 8. С. 99-101.
12. Иконникова Т. Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914-1918 гг.): монография. Хабаровск: Изд-во ГОУ ВПО «ХГПУ», 2004. 177 с.
13. Иконникова Т. Я. Иностранная разведка в Приамурском крае в годы Первой мировой войны // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока: сб. научн. трудов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. Т. I. С. 88-100.
14. Иконникова Т. Я. Российско-китайские отношения 1914-1917 гг. и проблема выдачи бежавших военнопленных // Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI века. Хабаровск, 2002. С. 70-75.
15. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896-1923 гг. Харбин, 1923. Т. 1. XIX+690 с. // Научно-справочная библиотека ГАХК. Инв. № 6711.
16. Кирмель Н. «Всех подозрительных, особенно в форме учебных заведений... задерживать» // Родина. 2014. № 8. С. 102-104.
17. Кирмель Н. С. Германские шпионы торговали в Сибири швейными машинками «Зингер» // Военно-исторический журнал. 2002. № 4. С. 50-55.
18. Киселёв Д. В. «Подозрительные немцы»: агенты и военнопленные Центральных держав в Маньчжурии в годы Первой мировой войны // Россия и АТР. 2015. № 2. С. 121-138.
19. Кравцов С. Е. О некоторых направлениях деятельности губернских жандармских управлений в начале XX в. (по материалам Иркутской губернии) [Электронный ресурс]. URL: [http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT\\_ID=1081](http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1081) (дата обращения: 09.07.2016).
20. Наумов И. Кто шпионил в Тунке... [Электронный ресурс] // Восточно-Сибирская правда. 2002. 23 февраля. URL: <http://www.vsp.ru/okray/2002/02/23/455026> (дата обращения: 23.06.2016).
21. Ращупкин Ю. М. Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX веков: формирование, специфика и деятельность: монография. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2003. 208 с.
22. Решетнев И. А., Синиченко В. В. К вопросу о шпионаже на восточных окраинах России в конце XIX – начале XX в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2007. № 6. С. 41-54.
23. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 958. Оп. 1.
24. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 511. Оп. 2.
25. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4.
26. Синиченко В. В. «Слухи о возможном вторжении не подтверждаем...». Российская разведка в Китае в период Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 11. С. 54-58.
27. Словарь военных терминов / сост. А. М. Плехов, С. Г. Шапкин. М.: Воениздат, 1988.
28. Соколенко А. В. Взаимодействие ведомств и органов Российской империи на Дальнем Востоке в борьбе с иностранной разведкой в 1905-1911 гг. Часть вторая. Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (65): в 2-х ч. Ч. 2. С. 148-158.
29. Соколенко А. В. Роль Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти в обеспечении безопасности транспортных перевозок на Дальнем Востоке России в период Первой мировой войны. Август (июль) 1914 г. – март 1917 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2016. Т. 15. С. 78-87.
30. Соколенко А. В. Участие пограничных комиссаров Приамурского генерал-губернаторства в борьбе с деятельностью иностранных разведок на Дальнем Востоке России в начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60). Ч. 2. С. 152-157.
31. Шелудько В. О., Буяков А. М., Черномаз В. А. Органы внутренних дел Приморья (1860-1917 годы). Владивосток: Дальнаука, 2004. 386 с.

**COOPERATION OF AGENCIES AND BODIES OF THE RUSSIAN EMPIRE  
WHILE GUARDING, PREVENTING ESCAPES AND SEARCHING FOR ESCAPED PRISONERS  
OF WAR IN THE FAR EAST DURING THE FIRST WORLD WAR  
(AUGUST, 1914 – THE REVOLUTION OF 1917)**

**Sokolenko Artem Vasil'evich**  
*Pacific National University in Khabarovsk*  
*forum5022@mail.ru*

The article analyzes the measures that were implemented by Russian agencies and bodies during the First World War (August, 1914 – the revolution of 1917) in the Far East and were aimed to provide the prisoners of war guarding, to prevent escapes, to search for and arrest the escaped prisoners of war. The hostile intelligence intended to use the prisoners of war, who had escaped from the Russian territory, in intelligence, subversive, and demolition activity against Russia, therefore the organization of guarding, the prevention of escapes or search for the escaped prisoners of war was very important for the state security provision. The coordinated actions of Russian agencies and bodies in the mentioned spheres promoted the successful achievement of these goals.

*Key words and phrases:* Far East; Siberia; The Amur Region General-Governorship; China; prisoners of war; foreign intelligence; Russian authorities and security bodies.